

Глава 1

— Вам пора.

— Александра Валерьевна, еще чуть-чуть!

— Уезжайте. Родители будут беспокоиться.

— Ха, наши — не будут!

— Гы-гы-гы, точно не будут!

— Давайте-давайте.

Дети нехотя поднялись, размялись, по очереди сходили в туалет, обулись, вышли на крыльцо.

Славик, Рита, Васёк, Мила, Витя. В зале они вели себя идеально. Другие тренеры удивились бы, увидев, как они ведут себя у меня дома. Я никогда не одергивала их и ничего не запрещала, не обижалась на грубость. Они рассказывали, когда родители уходили в запой, а я помогала найти, где перекантоваться пару ночей им и их братьям и сестрам.

Мы шли до калитки на противоположной стороне большого участка.

— Что вы сейчас пишете? — спросила Рита.

— Страшилки для веб-сериала. А вы мне мешаете.

— Давайте мы вам поможем!

Я вытерла капельки пота над верхней губой.

— Попробуйте.

— Отец рассказывал, что в деревне, где он жил, одних девочек выгнали из автобуса на мороз в поле, потому что у них денег заплатить не было. Они вышли, и никто их больше никогда не видел!

В раскаленном воздухе по ногам поползли вверх ледяные мурашки. Оглянулась на входную дверь — травинки у веранды не шелохнутся, на полу — косое солнечное пятно от проема. Восемь вечера.

— А у нас на кухне все время вода капает. Капает и капает. И закручивали, и чинили — все равно капает. Так вот, я думаю, у нас там...

— Живет Темный Капальщик?!

Они расхохотались.

— А у нас из окна видно детский сад. И я все время вижу, особенно зимой, когда уже темно, как дети забегают в один темный угол, играют они так. И кажется, что оттуда не все возвращаются.

— А-а-а, страшно!

— Давайте не про детей, — попросила я.

По ногам снова поползли ледяные мурашки. Пахнуло дымом. На краю зрения мелькнуло что-то красное. Я оглянулась — ничего.

— Вот вам не про детей. К нам весной сосед сверху приходил. Просил сигарет в долг. Я через дверь разговаривала — батя не велел открывать. Ходил так много дней подряд, каждый день. А потом умер.

— Ты вообще, что ли? Это же не страшно.

Скоро я вытолкала всех за калитку, вручив остатки печенья и чипсов, которые купила к их приезду. Девчонки полезли обниматься. Я обнимала их, отводя глаза. Когда меня сделали их тренером, они ловили мой взгляд, недоуменно переглядывались, когда при разговоре я смотрела в сторону, но скоро привыкли.

Я вышла на дорогу убедиться, что они двинулись в сторону станции. Разумеется, работать я не собиралась, но замерзшие девочки и покойник-сосед уже

залезли мне в голову и, перебивая друг друга, рассказывали свои истории. Надо было прибраться после гостей: собрать и запихнуть разорванные упаковки в мусорный мешок, разложить на прежние места надувной матрас, пушистые коврики и овечьи шкуры, на которых любили валяться подопечные.

Солнце переместилось ниже, и крыша уже не защищала как днем. Оно прожигало дом насквозь, и снова едва заметно потянуло гарью, я готова была поклясться, что запах чувствую только я. На кухне гроыхнуло, и я вздрогнула — Темный Капельщик? Пошла посмотреть, обходя раскаленные полосы света. На кухне все было в порядке, но в кладовке что-то (или кто-то?) заворочалось, захрипело.

Я рванула дверь, и из темноты выпали весла. Они стукнули меня по лбу ободранными пластиковыми лопастями и, пока я в ужасе размахивала руками, рухнули к ногам. Я обругала их матом, подняла и положила вдоль стены, чтобы опять не упали. Весла задели байдарку, и она с противным шуршанием, прочертив дугу на стене, свалилась на альпинистские веревки. Карабины звякнули и скатились на пол. После этого все стихло, и к запаху гари добавился запах непросушенных ковриков, хвои и речной воды. Я осмотрела кладовку, проверяя, не собирается ли упасть еще что-нибудь. Непромокаемые костюмы смирно висели на крючках. Доски для сноуборда и лыжи были придавлены ботинками и касками.

— Иди ты тоже подальше, — сказала я байдарке.

Еще немного постояла, глядя на свой экстремальный скарб, и, когда сердце перестало грохотать, захлопнула дверь.

В ту же секунду по крыше забарабанило. Удары раздавались часто, будто падал град или камни. Солнце продолжало сиять.

Адское пекло началось в первых числах июля. Центр города раскалился, а асфальт оставался мягким даже в короткие белые ночи. Бродящий по лабиринтам Песков сквозняк нагревался за день и горячо обдувал нас ночью, когда мы выходили на улицу в поисках прохлады. Солнце издевалось над нами. За месяц над дождливым городом не показалось ни тучки. В нашей квартире на мансарде не помогли ни открытые окна, ни кондиционеры, ни вентиляторы. Едва закатываясь за горизонт, солнце вставало снова, начиная очередной безнадежно жаркий день.

С наступлением жары мы отправили детей к дедушке в Репино. Там, в доме, укрытом тенью сосен, они бездельничали и ежечасно присылали фотографии: вот мы обедаем, вот дедушка читает детектив, вот мы купаемся в заливе. Мы с Сергеем смотрели, умилялись и чувствовали себя хорошими родителями.

В другое время, оставшись вдвоем, мы гуляли бы по городу, как в двадцать лет, и встречали рассвет. Но жара выпарила всю романтику. Обливаясь потом, вечерами мы сидели в гостиной и смотрели сериалы один за другим, один за другим. Череду лиц разбавляли холодный лимонад, холодное пиво, холодная окрошка. Они не помогали. Чудовищная жара проглатывала нас, она проглотила весь город, и он, задыхаясь, барахтался в ее раскаленном чреве.

Федеральный канал тянул с решением по сценарию, присылал нелепые правки. Я молча их вносила

и отправляла файл, и еще раз, и снова. За возможность засветиться в ночном эфире со второсортным сериалом я готова была переписывать сценарий хоть до пенсии. Продюсер психовал и названивал знакомым в Москву, просил подергать за ниточки, напомнить, написать, позвонить. В ожидании я взяла работу над веб-страшилками.

Время тоже плавилось на жаре. Я ложилась подремать в тягучие обеденные часы. Тогда она снова стала приходить ко мне. В состоянии между сном и явью я видела одновременно рисунок на обоях и ее — как она идет по разбитому тротуару между нашими домами. То я бежала за ней и звала по имени, но она удалялась, удалялась и исчезала в дыму — в ту же секунду дым густел, чернел, забивался в горло и я просыпалась от собственного кашля. То вдруг она появлялась рядом — пугающе ясно и близко. Мы стояли на крыше общаги, и все было как тогда: и жара, и запах гари, и дым, заволакивающий небо. Я протягивала руку, чтобы прикоснуться к ней, но она пятилась от меня, запинаясь о невысокий парапет и падала, и тогда я просыпалась в слезах.

Она приходила в мои сны всегда грустная, с болезненным видом, с синяками и ссадинами, с неровно остриженными под корень волосами, такая, какой я увидела ее тогда на асфальте. Бывало, вдруг мы вместе оказывались в горящей тайге, на просеке, — и опять она уходила, а я догоняла. Вокруг полыхали деревья, искры летели мне в лицо и на голые руки, передо мной падали горящие кедры, я перелетала через них, а она уже исчезала за холмом. И, поднявшись следом, я понимала, что это не холм, а край крыши, и становилось

ясно, что увижу, если посмотрю вниз. Серый двор. Обшарпанную детскую площадку. Палисадник. И ее тело на асфальте: лежит на животе, руки раскинуты, одна нога подогнута, роскошные волосы острижены. Кошмарный сон переносил меня прямо к ней, я вставала на колени, касалась ее лица и в тот же миг просыпалась.

— Это из-за жары, — говорил Сергей.

Он покупал мне валерьянку, настойку пиона, пустырник, корвалол. В бокал с водой падали пахучие капли, расплываясь темными облачками.

Но Сергей ошибался, дело было не только в жаре. Чему-то предстояло случиться, поэтому она так настойчиво врывается в мои сны. Все было как тем летом, и я ждала, чем закончится нынешнее пекло.

— Поехали на дачу, — как-то сказал Серёжа. — Там прохладнее.

Огромный дачный дом был уже достроен, но еще стоял без мебели. Мы провели электричество, холодную воду и даже стационарный телефон. Дома мы отключили его лет десять назад. Красный дисковый телефон усатый бригадир привез из своих закровов чтобы проверить линию, да так и оставил нам. Номер на обрывке газеты был приклеен скотчем под диском. В трубке слышалось низкое гудение, словно стонали все провода мира.

Утром Серёжа уезжал в офис, возвращался поздно вечером.

Я надеялась, что переезд излечит меня от кошмаров. Но она стала приходить в каждый мой сон и изредка — в реальность. Иногда краем глаза я замечала мелькнувшие огненно-красные волосы. Мне казалось, что она смотрит на меня ночами через незашторенные

окна, прикладывает ладонь к стеклу и шепчет мое имя. Она не пугала меня, и я ждала, что она скажет, зачем приходит, до того, как психиатр назначит очередные антидепрессанты. Флувоксамин, амитриптилин, сертралин. Ламотриджин — чтобы не скакало настроение.

«Аномально высокая температура третью неделю держится в Ленинградской области», — сообщали заголовки газет, которые я покупала в сельском магазине.

В тот день Серёжа уехал в семь утра. Я не могла уснуть и ходила по дому, ежесекундно решая то вернуться в город прямо сейчас, то поехать на дачу к свекру, то надеть купальник, пойти на речку и смешаться с людьми на дачном пляже, куда набились и местные, и дачники.

Тренькнул телефон, я подошла и взяла трубку, там раздались хрипы, а затем — короткие гудки. Я подтащила матрас к телефону и легла, ожидая второго звонка, и снова позвонили. И опять — хрипы и короткие гудки.

Кто-то прорывался ко мне издалека, хотел услышать мой голос. Я решила никуда не идти и ждать, когда мне дозвонятся. Почему-то это казалось важным. Я сходила в душ, выпила воды, но телефон молчал.

Серёжа написал, что сегодня обещают сорок градусов жары и мне стоит сходить на речку или пригласить банду подопечных.

Банда в составе пяти человек — трех мальчиков и двух девочек — явилась через два часа после моего сообщения. Им было по пятнадцать, но они воспринимались мной именно как мальчики и девочки, а не молодые люди. Между мной и руководством клуба

установилась негласная договоренность: я тренирую бесплатно подростков из неблагополучных семей, которые не смогли вписаться ни в одну секцию, а они закрывают глаза на то, что я чуть больше, чем обычный тренер, забочусь о них. Подкармливаю, отдаю ненужные вещи и покупаю инвентарь, необходимый для занятий. Они приходили ко мне домой смотреть фильмы и были знакомы с мужем и детьми. Иногда после тренировки я вела всех в бургерную или кафе. Не смотрела в глаза и отводила взгляд от нестриженных ногтей, показавшегося из-под одежды заношенного белья и дырок на носках. Спортсмены из них были никакие, поэтому я показывала им все и по верхам: скалолазание в зале, обычную гимнастику, ориентирование в ближайшем от моей дачи лесу. Один раз даже оплатила занятие на байдарках, закончившееся общим купанием и ржанием. Администратор того места запретил нам появляться впредь. Я жалела их, а муж молча это принимал.

После ухода банды я собралась лечь на матрас, расплавиться вместе с ним и утечь в землю. Но по крыше застучали камни, и я бросилась к выходу. В распахнутую настежь дверь влетел темный комок, ударился об пол, оставляя кровавую дорожку, прокатился и остановился у моих ног. Воробей. Когда он замер в изломанной позе, удары по крыше прекратились.

Я присела и потрогала воробья — мертвый. Теплый, но мертвый. К горлу подкатила истерика. Поняв, что именно стучало по крыше, я вылила четверть пузырька пустырника в стакан, разбавила водой и выпила. Походила туда-сюда, пока желание разрыдаться не сменилось вялым отупением.

Пол на веранде был усыпан мертвыми птицами. Воробьи, трясогузки, жаворонки, мухоловки, вьюрки. Я закрыла глаза. Ласточки. Трава на участке вздрагивала — кто-то еще боролся за жизнь. Вокруг дома по периметру — кровь и холмики перьев. Убрать, скорее убрать. Нельзя оставлять на жаре.

— Опять, зачем они опять? — бормотала я себе под нос.

Я нашла черные пластиковые мешки для мусора, дырявые строительные перчатки и стала трясущимися руками собирать птиц. Первый пакет быстро наполнился, пришлось взять второй, потом еще. Собирала, пока не онемели руки. Ладони вспотели в перчатках, и я, плюнув на гигиену и безопасность, сняла и швырнула их в пакет к птицам. Солнце еще палило, хотя почти скатилось за горизонт.

Мимо возвращались с речки соседи. Семья — бабушка, дедушка, две дочери с мужьями, четверо внуков.

— Здравствуйте, Алекс... — начала бабушка и осеклась.

Я повернулась к ним и не сразу поняла, почему они ошарашенно замерли, а потом матери схватили за руки детей и потащили прочь. Я хотела сказать, что это всё птицы, подняла руку и сама в ужасе уставилась на нее — по локоть в крови. В крови были и ноги, и шорты, и футболка. Пока я рассматривала себя, соседи скрылись за своей калиткой.

Бросив птиц и пакеты, я вернулась в дом и залезла в душ. С трудом отмыла кровь и запах. Выглянула в кухонное окно — соседи на своем участке бурно

обсуждали что-то, оглядываясь на наш дом. Ну вот. Стану теперь сумасшедшей-теткой-руки-в-крови.

Телефон пару раз звякнул, я швырнула в него полотенцем, трубка соскочила, и он замолчал. Отправила эсмэс Сергею, чтобы срочно возвращался. Тряпок для уборки не было, поэтому я замерла на веранде, глядя, как высыхает кровь на полу.

Телефон краснел из-под полотенца. Я положила трубку на место, и он тут же зазвонил. Схватила трубку. Шипение, стон.

— Перезвоните, вас не слышно, — сказала я.

Может, тот, кто пытался дозвониться, услышит меня и поймет, что я здесь и жду звонка.

Гул в трубке сложился в слова:

— Саша, Сашенька, это ты?

Я схватилась за стену, качнулась вперед-назад. В голове вспыхивали и гасли картинки огня, дыма и развевающихся на ветру красных волос.

— Да... — прошептала я.

На том конце провода старая женщина всхлипнула, и этот звук мгновенно обрушил на меня запах вареной картошки, картинки бедной квартиры с полированной стенкой, вечно включенным телевизором, пестрым ковром на полу. Я увидела, как там, за восемь тысяч километров, она плачет, прислонившись спиной к стене.

— Саша, Сашенька... Сашуля... Они нашли ее. Они ее нашли.

Глава 2

Безумный девяносто девятый. Вере исполнилось шестнадцать в январе, мне должно было исполниться осенью. Мы окончили десятый класс. Последнее свободное лето. С мая установилась — по радио так и говорили: «установилась» — жара, непривычная даже для нашего города. Из-за нее не успели зацвести растения, которые обычно цвели в мае или июне. Деревья стояли потерянные, листья на них скрутились от горя. Пахло сухостью, пылью, раскаленным асфальтом. Тут и там на тротуарах блестели горячие битумные пятна. На асфальте оставались следы от обуви, он размяк до того, что можно было надавить пальцем — и оставить ямку. На дачах все ростки засыхали сразу, как только выбивались из-под земли под губительный солнечный зной. Дачники жаловались, что не будет ни редиски, ни огурцов, ни даже зелени. Не будет ни домашних закруток, ни тыквенного сока, ни картошки. На картошке трагически замолкали: совсем непонятно, как прожить без картошки.

Во всех домах распахнулись двери и окна, иначе пережить пекло было невозможно. Разговоры, и без того слышные через тонкие стены хрущевок, выдувало сквозняками, и соседская жизнь становилась общим достоянием. Надрывно дребезжали вентиляторы.

Вдобавок ко всему закрылся завод. В мае назначили нового директора из Москвы, но в первый же рабочий день у дверей проходной на него свалилась ракета.

Не настоящая, конечно. На фасаде «Полифема» взлетали три бетонные ракеты. Одна из них обрушилась. Обломки бетона и кирпичей упали на голову москвича, и он умер на месте. Новость разнеслась по Гордееву со скоростью света. Еще до того, как труп увезли, мы с ребятами со двора уже были в толпе, окружившей пятачок, пробивая себе путь, чтобы разглядеть получше. Место не оградили сигнальной лентой — наверное, у милиции ее попросту не было. Когда зрители слишком уж приближались, один из милиционеров делал круг, отгоняя нас:

— Так, отходим, отходим, не мешаем следствию.

И хотя все было понятно, за расследование взялись серьезно. Местные тихо злорадствовали, что, мол, хотели разобрать и продать завод китайцам, да, видно, есть Бог на свете. Директором назначили главного инженера, но через две недели завод все-таки закрыли.

По городу разлилась безнадега: «Полифем» был градообразующим предприятием. К тому же жара не давала передохнуть.

Солнце раскалило землю, высушило реки, озерца и канавы. В самый разгар лягушачьего сезона, когда их вечернее пение заглушает даже звуки трассы, было непривычно тихо: икра лягушек высохла вместе с лужами и выжившие одиночки тоскливо квакали в ночи, вызывая на разговор таких же несчастливиц, рассеянных по редким тинистым канavam.

— Соловьи поют, — говорил в другие годы отец заезжим туристам, когда мы привозили их на экскурсию в тайгу.

Тягучее лягушиное кваканье можно было по незнанию принять за птичьи трели. И лица столичных

богатеев разъезжались в благостной улыбке: ясно, когда соловьи поют, положено благостно улыбаться. Отца это смешило до слез. Он каждый раз рассказывал матери эту историю, вытирая слезы кухонным полотенцем:

— Дураки, ну дураки! Соловьи поют! Этим лохам чё хочешь впарить.

Туристы приезжали редко, раз-два за лето. Мы возили их в лес за сопкой с телевышкой. Отец петлял на старенькой «Ниве» по окрестностям, потом ставили палатки на сухом тенистом склоне. Гости думали, что они в настоящей тайге. Но большего и не требовалось. Я водила их на рыбалку, вечером жгли костер, а отец рассказывал страшилки. Изредка стреляли уток и тетеревов. Ночами из палаток не выходили, запуганные нашими байками о медведях-людоедах. Ночи через две-три счастливая и искусанная комарами компания убиралась восвояси.

В другое время отец охотился и рыбачил, часто пропадал в настоящей тайге. Мать запрещала приносить домой неразделанную дичь, и я прибегала в гараж помогать ему. Мы кипятили воду в котле на треноге над ямой с костром, который разжигали сразу за гаражом. В нем при свете тусклой лампочки отец ощипывал и потрошил птиц, освежевывал зайцев. Мне нравилось заниматься зайцами. Кровь отец выпускал сразу в тайге, поэтому мне оставалось снять шкуру и выпотрошить тушку. Нужно было сначала подвесить зайца за заднюю лапу, надрезать ее по кругу ниже колена, потом подрезать до хвоста. То же самое — со второй лапой. Потом я снимала шкуру с хвоста и задних лап. С передними было иначе. Передние колени требовалось перерубить, чтобы они остались в шкуре.

Потом — сделать надрезы у ушей и вокруг глаз, чтобы снять шкуру с головы. После того как заяц оставался без шкуры, надрезалось брюхо, и оттуда вываливались внутренности. Отец приносил воду из колонки на углу, и я смывала кровь с зайца и со своих рук, полоскала сердце, печень.

Мы приносили дичь домой. Мать резала тушки, раскладывала куски по пакетам и замораживала. Шкуры отец продавал сразу, не сушил и не выделявал. Говорил, хлопотное это дело.

Ближе к лету жара стала невыносимой даже в тайге, а отец был уже немолод и остался в городе. Помогал одним знакомым строить баню, потом другим — строить гараж. За деньги. Он никогда никому не помогал просто так.

В колыхающемся, как огонь, воздухе ничто не выживало. Цвел только шиповник под окном Веры. Они с матерью жили в доме напротив, на первом этаже. Окно ее комнаты выходило во двор. Иногда я видела, как утром она высовывалась из окна и вылиwała на кусты ведро воды. Спасенные кусты в благодарность развернули ядовито-розовые цветы. Их запах разносился по всему двору. Шиповник осыпал двор каплями лепестков. Она задерживалась, чтобы провести пальцами по цветам, и я чувствовала, как лепестки прогибаются под ее рукой, и смотрела, как она заправляет за ухо свои красные волосы.

В июне подул ветер. Мы радовались: жару переносить стало легче. Но от раскаленного ветра вспыхнула тайга. Пожары начались далеко, у Хабаровска. Сначала низовые. Горел торф, но он горел каждое лето, это было нормально, привычно. Все заволакивало

дымкой, которая почти не пахла, да и горели равнины далеко от нас. Но ветер раздул искры, они взметнулись на смоляные лапы елей и кедров, и те бешено запылали.

Мы смотрели новости по ОРТ и надеялись, что пожарные службы остановят огонь. Но тушили один пожар, а через день вспыхивало в другом месте. Пламя подбиралось к нам, пожирая километры тайги. Сосны и лиственницы загорались, поджигали друг друга и падали, еще горящие, увлекая за собой своих гигантских сестер.

— Пожарами охвачены сотни гектаров тайги в Хабаровском крае и Амурской области, — тревожно говорила ведущая новостей.

Я ненавидела ее всей душой за приторную тревожность, безупречную одежду, за то, как она накрашена и как на самом деле далека от нас.

Она не знала, что от небывалой жары и ожидания, когда огонь доберется до города, местные начали сходить с ума. Наша восьмиполосная черно-белая газета, которая вмещала и новости, и программу передач, и объявления, каждый день смаковала сообщения о драках, сожженных цветочных киосках, бандитских разборках с десятками пострадавших, семейных стычках, закончившихся разбитыми головами.

Единственный городской морг был переполнен. Мэр выступил с заявлением, что вспышка жестокости находится под контролем. Но его лицо на зернистой фотографии на первой полосе выглядело неуверенным и очень несчастным.

С началом пожаров в город завезли китайский спирт. Его продавали с машин в канистрах, и работы

в морге прибавилось: в некоторых канистрах вместо этилового спирта оказался метанол.

Ведущая с безупречным макияжем не знала, что огонь выгонял зверя с насиженных мест. Пожар спускался с хвойных сопок в долины. Они выгорали мгновенно, огонь выжигал траву и птичьи гнезда, в нем гибло мелкое зверье. Животные покрупнее успевали опередить огонь. Они бежали сутками, измученные голодом и жаждой, и в конце концов выбивались из сил. Обезумев, выходили к человеку в городки и поселки. Изюбры, колонки, секачи, туповатые глухари, медведи бродили по улицам, пока кто-нибудь милосердный не пристреливал их.

Горели даже просеки. По тем, что еще не были охвачены огнем, ходили экскаваторы. Они выворачивали пласты земли, чтобы пламя не могло перекинуться дальше. Но торфяная почва, подсушенная жарой, тоже вспыхивала. Наш сосед по площадке, дядя Женя, работал на экскаваторе на пожарах. В свободные вечера он приходил к нам, и отец поил его самодельным яблочным вином.

— Идут за экскаватором, представляешь. Я выйду, отгоню их, а они опять. Да и куда им податься-то, бедным.

Слезы текли по его щербатым щекам и терялись в щетине. Дядя Женя вытирал их ладонью. У него были потрескавшиеся почерневшие пальцы простого рабочего.

— Все горит. И лес, и земля. — Он ставил нетронутое вино обратно на стол.

За экскаватором гурьбой шли птицы и животные. На только что перепаханной земле они были

защищены от огня. Тетерева, колонки, лисы, полевые мыши, соболи, рябчики, зайцы скакали вместе, позабыв о вечной вражде.

Огонь подбирался к Гордееву. На улицы напелзла пелена дыма. Солнце пробивало себе путь в дыму, обжигало нас и ободряло бушующее в лесу пламя. Ночью сквозь пелену зловеще светила красная луна.

Одним душным дымным утром весь город оказался усыпан мертвыми птицами. Дороги, тротуары, крыши. Застрявшие в ветвях деревьев. Лежащие на козырьках подъездов. Городские и лесные, мелочь и покрупнее. Изможденные жарой, жаждой и голодом, они сдались. Мы вышли на улицу и собирали их. Часть мертвых птиц вывезли на городскую свалку, часть закопали на пустырях.

К нам стянули все пожарные службы, но они не справлялись. Стали привлекать добровольцев и служащих из военных городков. Мужчины Гордеева слонялись без дела — завод только-только закрыли. Они собирались во дворах, пили купленный на последние деньги паленый спирт, отчаянно дрались и зверели без дела. Их привлекали к тушению пожаров, но от них было больше вреда, чем пользы.

Вместе с дымом из горящей тайги приносило пепел. Он падал с неба, как снег. От него на одежде оставались серые полосы, а волосы будто седели. В плотном дыму сновали люди-призраки, а дороги и дома старели на глазах, словно готовились вот-вот умереть и превратиться в руины. Городок задыхался и сходил с ума.

Глава 3

— Полиция, наверное, возобновит расследование, — говорю я.

Ташимся в пробке по направлению к заливу. Кондиционер не справляется, и мы обливаемся потом.

— И что? Будешь помогать?

Я уже собрала чемодан. В нем непромокаемые штаны и кофта: знаю, что обязательно окажусь в тайге. Одежда с длинными рукавами: сейчас сезон комаров. Будто собралась в поход, хотя Гордеев — маленький, но все же город.

— Она снова снится. С обрезанными волосами, как тогда.

— Есть таблетки.

— Она все равно вернется.

Я купила билет на ближайший прямой рейс до Хабаровска. Восемь часов в пути.

Мы ехали навестить детей перед моим отъездом. Поток медленно продвигался к заливу. Нева отражала солнце, от света слезились глаза.

Через три часа мы въехали на забетонированный пятачок, со всех сторон окруженный идеальным газоном. Как только хлопнули дверцы машины, из дома выскочили дети и повисли на нас.

В гостиной на первом этаже были уютно разбросаны игрушки, стоял построенный из стульев шалаш, край его крыши придавили тяжелыми бронзовыми

статуэтками к поверхности обеденного стола. На пол внутри шалаша бросили (опять она) оленью шкуру.

Свекор спрашивал, почему не предупредили, ведь они готовили завтрак только на троих. Я рассказала, что лечу в Гордеев и, скорее всего, задержусь там надолго. Дочка попросила взять ее с собой. Я ответила, что не могу, лечу по делу. Она надулась, но сын спросил, какие подарки я им оттуда привезу, и она мгновенно забыла, что обиделась, и стала просить настоящего живого лосося: она посадит его в ванную и будет кормить. Сын попросил просто машинку. Дочка возразила, что такие глупости можно купить в любом магазине, надо просить что-нибудь такое, чего нет нигде, например шкуру медведя:

— Мама умеет охотиться. Убьет медведя, снимет шкуру и привезет тебе!

Сын испугался и расплакался.

— Фу, плакса, — сказала дочь, слезла с моих коленей и направилась в шалаш.

Сын тут же успокоился и пошел следом за ней. В шалаше включились фонарики и началась возня.

Мы были в доме свекра до вечера. Дети висели на нас до последнего, пока мы не сели в машину, потом махали, когда я выруливала с участка, потом стояли на дороге и опять махали, и я думала, что мы точно хорошие родители.

Не уезжай, не уезжай, не уезжай, останься, останься, останься, зачем тебе это, ты же знаешь, что будет хуже.

Сергей перестал повторять слова, как заезженная пластинка, но вся его фигура и выражение лица просили меня остаться. Я делала вид, что не понимаю.

— Давай тоже поеду, — предложил он в сотый раз.

— Не нужно, — в сотый раз ответила я. — Все улажу и вернусь. Останься с детьми, чтобы не заску-
чали.

Я поцеловала его и вошла в «зеленый коридор».

Кресла в самолете были отдельные, с телевизором, встроенным в спинку впереди. В бизнесе летели только я и бодрый дедушка. За первые пять минут он предложил мне жвачку, воду и экскурсию по Хабаровску. Я вежливо покивала, взяла жвачку и отвернулась к окну. Стюардесса поднесла соседу бокал шампанского.

— Ваше здоровье, — сказал дедушка.

Я снова вежливо кивнула.

Он выпил шампанское залпом. Самолет начал вы-
руливать на взлетную полосу. Потом меня вдавило в кресло, и земля стала отдаляться — дороги, дома, телефонные столбы и линии электропередач, поля, озера, реки.

— Летите по работе? — Дедушка никак не унимался.

— Да... по работе, — запнувшись, ответила я.

— М-м-м, — покивал он. Уже опьянел от шампанского. — А работаете кем?

— Пишу сценарии для ужастиков.

Он сглотнул, поморгал — не знал, как реагировать.

— И что, страшно получается?

— В основном от того, как ужасно написано и плохо снято, — сказала я дежурную шутку и отвернулась к иллюминатору. К счастью, на этом дедушка перестал меня допытывать.

Я всегда беру псевдоним. Коллеги спрашивают, почему я пользуюсь вымышленными именами. Обычно

я отвечаю: это интересно — придумывать себе имя. Алиса Амартиросова, Павел Крепышев, Диана Деревянко. На самом деле я прячусь.

В сериалах, согласно требованиям каналов, сильные самостоятельные женщины строят карьеру и борются с судьбой в лице начальника-антагониста. В них добрая библиотекариша воюет с меркантильной подружкой своего сына, которую он намеревается повести под венец, и находит ему *правильную* невесту, в которую он, само собой, сразу влюбляется. В них честный мент распутывает незамысловатые загадки и ведет диалоги, богато пересыпанные профессиональным жаргоном, таким, каким его представляет обобщенный зритель телеканала. Они кочуют из одного сериала в другой, эти добрые следователи с небритыми лицами и маленькими зарплатами, и преступники всегда получают свое наказание. В них русалки, люди-рыбы и другая подводная нечисть утаскивает в глубину одинокого рыбака. Чудовища вылезают из шкафа или из-под кровати и замирают за спиной, наблюдая. Призраки мертвых подружек приходят во сне и шепчут имя главной героини.

Большая часть этих историй, к счастью для зрителя, остается на бумаге, но список моих работ пестрит второсортными ужасами и третьесортными мыльными операми, которые и до каналов-то добираются не всегда, а до кинотеатров и подавно.

Но я стараюсь не унывать. Чтобы зритель верил в мои истории, нужны *детали*. Я смотрю на стюардессу — как она везет тележку с напитками, как смеется в ответ на комплименты моего соседа. Как отшучивается и как наливает еще бокал шампанского.

Я знаю, что они когда-нибудь появятся в рассказе или сценарии. Может, главный герой будет лететь навстречу судьбе или стюардесса и пассажир проживут последние минуты на экране перед тем, как самолет разобьется. Дед останется дедом или превратится в импозантного бизнесмена и хорошего человека, с которым главная героиня найдет свое счастье.

Когда за окном потемнело и показалась луна, салон затих. Пассажиры уснули, стюардессы приглушенно болтали и смеялись за шторкой. На моем экране показывали интерактивную карту с самолетиком и городами. Мы летели над ледяной пустыней, вдалеке маячили Нижневартовск, Томск, Новосибирск.

В Новосибирске я была шесть лет назад — на безумных натуральных съемках, совершенно ненужных: такую натуру можно было найти и в Питере, и в Москве, и в любом другом городе. Полный метр, драма из жизни простых людей. Меня порекомендовали знакомые. Сценарий был слабый, я это видела, но все-таки первый полный метр, до этого по мне снимали только короткометражки, даже не сериалы. Продюсер-новичок, режиссер — сын владельца завода по производству пластиковой тары.

Деньги на фильм прожигались огромные, съемочная группа жила в шикарном отеле. Взяли даже меня, сценариста, для консультаций на съемочной площадке, хотя наше мнение никогда и никого не интересует. Час в день я проводила на съемках, в остальное время работала над другим сценарием, отказываясь от приглашений на вечеринки. Когда я была на площадке, продюсер красноречиво меня разглядывал. Я задавала себе вопрос, не против ли я, и выходило, что не против. Дети

были маленькие, я впервые уехала из Петербурга долго — от них и от Сергея. Одним вечером продюсер завалился ко мне в номер, вдрызг пьяный, с бутылкой «Круга». Я молча вытолкала его в коридор и захлопнула дверь. С полчаса он бубнил под нею, просил пустить его обратно, а потом его увела охрана отеля. Эта кинокомпания не делала мне больше предложений. А фильм в прокат так и не вышел.

Я достала ноутбук и подключила самолетный вай-фай, проверила почту. Пришло письмо от продюсера Коли. Он спрашивал, когда закончу заявку для веб-сериала. В голове пронеслась череда картинок: птицы, пустой дом, Славик, Рита, Васёк, Мила, Витя. Я видела все со стороны: сидим кто на чем, а рядом стоят и наблюдают за нами бедные замерзшие девочки.

Я создала новый файл и стала делать наброски, но начало не шло, история не клеилась, не лилась свободно ни на бумаге, ни картинками. Тогда я сделала то, что чаще всего делаю в таком случае.

Нажала на кнопку вызова стюардессы и, когда она явилась, попросила воды, мельком заглянула в глаза, прочитала ее и выцепила самое яркое зимнее воспоминание.

Низкие холмы, словно белые волны, уходят за горизонт, сколько хватает взгляда. Ни огней, ни дорог, ни деревьев. Солнце скрыто за тучами, но светло. Снегом сечет лицо, ветер сбивает с ног.

Я знала, что летом в таких местах растет жесткая короткая трава, во влажных впадинах — ковыль. Похоже на Казахстан или Забайкалье. Надо уточнить,

есть ли требования по месту действия от канала. Если нет, то поселить их куда-нибудь в степь, посмотрим на бюджет. Или хотя бы отснять виды.

Что там говорил Славик? Высадили из автобуса? Отцу Славика лет пятьдесят; допустим, он пересказывал историю, услышанную в детстве. Что мы имеем? Девочки выходят в темнеющей степи. Скорее всего, возвращаются из школы. Для достоверности поместим их в пятидесятые годы.

Три пионерки возвращаются домой из школы в соседней деревне. Обычно они добираются пешком, но сегодня буран. Они останавливают рейсовый автобус, входят, автобус трогается. Но, когда вытряхивают карманы, оказывается, что могут заплатить только за двоих. Они просят довезти их за два билета, но кондуктор — мясистая грубая тетка — не соглашается. Несколько других пассажиров безразлично смотрят в окно, пока девочки выходят.

Девочки, держась за руки, идут домой, сопротивляясь ветру. Худенькие, лет по двенадцать, одеты плохо и бедно. Темнеет. Электричество в их деревню еще не провели, и не видно огней, на которые можно было бы ориентироваться. Поэтому они сбиваются с пути, бредут по степи. Одна начинает плакать: она замерзла и устала. Наступает темнота. Они понимают, что заблудились, поэтому, наткнувшись на стог сена, решают зарыться в него и переночевать.

— Уважаемые пассажиры. Мы приступили к снижению и примерно через сорок минут приземлимся в аэропорту Хабаровска. Сейчас в Хабаровске двенадцать ночи. Температура двадцать градусов выше нуля, — раздался голос капитана. Он повторил то же

самое на английском и включил табло «Пристегните ремни». Я пристегнулась и продолжила.

Утром вся деревня собирается на поиски.

Их находит парень. Он живет по соседству с одной из девочек и знает ее родителей и братьев. Он идет между стогами к заброшенному дому (или коровнику, любая заброшка сойдет). Снегу навалило выше колена, и он с трудом поднимает ноги. Вдруг у одного из стогов он видит что-то ярко-красное. Он дрожащими руками смахивает снег — это вязаная шапка. Раскапывает страшную находку. Девочки с открытыми глазами, взявшись за руки, сидят у стога.

— Покойника высматривают, — шепчутся деревенские бабы.

Ночью в окно парня раздается стук. Он выглядывает — там девочки. Машут ему: иди к нам.

Нас хорошенько потрянуло в облаках, потом как на ладони показался горящий огнями город: по освещенным желтыми фонарями дорогам двигались игрушечные машинки, в воздухе мигал маячком на хвосте патрульный вертолет.

Я вышла из зала прилета, выискивая глазами отца в нетерпеливой толпе встречающих. Справа позвали:

— Доча!

Я повернулась и увидела его. Отец вскинул руки и заулыбался. Мы обнялись. Он был рад моему приезду, не скрывал этого и без остановки говорил радостно и бессвязно. Я шла за ним к машине, с одобрением замечая, что он изменился. Конечно, постарел, но белые волосы подстрижены, вместо золотых зубов — металлокерамика или вставная челюсть, не видно в темноте.

Наколки на шее и руках скрыты под ветровкой с высоким воротом. Старенькую «Ниву» сменила безликая белая «японка».

— Не новая, новую не потянул бы, — ответил он на мой вопрос.

Мы тронулись по пустынным улицам — Хабаровск всегда рано ложился спать. Ехать на север четыре часа. Будем на месте почти к утру. Отец зевал, ничего не спрашивал, но говорил, говорил, говорил.

— Правил назаводили. Раньше хорошо — сам взял, сам пошел, мля. Теперь разрешение на утку бери, на зайца бери! Чушку только на подкормках или с вышки. А на сохатого — так вообще с егерем, мля. В путину, — распаляясь, он поворачивался ко мне, и машину опасно тянуло то вправо к отбойнику, то влево на встречную полосу, — в путину вообще ничего нельзя! Удочками, говорит, ловите! Удочками, мля!

— Ну хоть не руками, — пошутила я, но отец не услышал.

— Донки нельзя, подвески нельзя, в заездках глаголь не ставь. Сетку можно одну на человека. А егерей развели!

Я поправила руль: мы почти выехали на встречу. Хорошо, что машин на трассе почти не было.

— Понавыпускали из училища, из универа. Больше, чем охотников, я говорю. И ходят, и ходят по лесу — куда ни плюнь, в охотоведа сраного попадешь. Два штрафа в этом году уже вклеили! — Он потряс в воздухе указательным пальцем.

— А туристов еще водишь?

— Да какое там. Разрешение на разрешении. То нельзя, это нельзя, подготовку туриста сделай,